

A decorative background featuring a repeating pattern of red roses and black branches with leaves. The roses are stylized with white outlines and are scattered across the page. The branches are thin and curved, with small, simple leaves.

Андрей Мир

Поэма

Андрей Мир

Поэма

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мир А.

Поэма / А. Мир — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Рассказ от первого лица из "Солнечного сборника". Основная тема произведения - выбор жизненного пути разумом и сердцем. На страницах рассказа широко раскрыты мир бального танца и французская тема, действие "Поэмы" зарождается на берегах Сены. Связующим центральным звеном произведения, как и любой человеческой жизни, выступает любовь. Для удобства читателя рассказ разбит на главы.

[Посвящается Sunny]

"ничего глупее в жизни не читала"

Поэма (др. греч. *Συγννι*) – литературный жанр (нет, это целая жизнь!)

Крупное или среднее по объёму (я бы сказал: "прекрасного-вышесреднего роста хрупкое...") многочастное стихотворное произведение лиро-эпического характера (допустим), принадлежащее определённому автору (да! чёрт побери), имеет большую стихотворную повествовательную форму (без комментариев). Может быть героической, романтической, критической, сатирической и т.п. (может быть любой, самой-самой разной)

I

Трудно сосчитать, сколько лет я посвятил любимому делу. Сложно вообразить, как разнообразна была моя танцевальная карьера! Мне приходилось выступать на международных танцевальных конкурсах и соревнованиях, случалось быть балетмейстером, заниматься постановкой грандиозных балов дебютантов, наконец, я преподавал. Но всё это было не сразу, в самые первые дни моей карьеры, выйдя из тренировочного зала на бескрайние паркетные улицы, я подолгу перебирал ногами, стоя на остановке в ожидании трамвая. Во что бы то ни стало мне хотелось стать лучшим, а потому я никогда не чурался косых взглядов и продолжал заниматься всюду где только мог.

Стремительно завоевав себе имя в сольных выступлениях, в десять я стал мечтать о более солидном поприще – о парных состязаниях, ведь сама сущность танца заключается в объединении людей и зачастую двух людей. Как и многие выдающиеся спортсмены, в шестнадцать я развился собственным агентом, на плечи которого лёг *eraulet* таких забот как поиск и переговоры. Для меня подбирались не просто престижные соревнования, но такие соревнования, о которых по прошествии будет обязательно упомянуто "в газете, а не в газетёнке", – как выражался мой первый агент, добавляя: "имя твоё главное достояние". Что касалось в последствии поиска и подбора партнёров, то лично мне это напоминало закулисную жизнь ипподрома. Я чувствовал себя не то жеребцом, которому подбирают искусную наездницу, не то жокеем, которому подбирают лучшую лошадь. Но если сейчас это смешит, то в те далёкие времена и сам процесс, и подход к нему казались мне чем-то должным, естественным. В преддверии какого-нибудь важного соревнования или кубка агент навещал меня, принося с собой целый ворох обработанного видеоматериала с нарезкой выступлений различных партнёров. Мы устраивались поудобнее и начинали изучать кандидатов. Подготовленный гость то и дело вставлял замечания о сильных и слабых сторонах той или иной девушки, рассматривая её сугубо с точки зрения дополнения к моему таланту. Да и я, признаться, эгоистически думал так же: "что в них особенного? Чем они, собственно, отличаются друг от друга? У них одинаковые платья, похожие (зачастую прилизанные) причёски, все они жутко покрашены, даже имена у них повторяются. Важно лишь то, что я смогу от них взять, чего смогу достичь с ними". И все партнёры, я в этом уверен, в свою очередь думали обо мне так же.

Если вы мне не верите, если вам покажется, что я выдумываю, если вы, вдруг, занимались или занимаетесь танцами и вам, кажется, повезло не узнать таких вещей, то вы либо ещё никуда не забрались, либо забрались уже слишком высоко и ни черта не помните!

Когда череда побед с какой-нибудь партнёршей, вдруг, обрывалась, наши агенты и мы оба понимали, что пара исчерпала свой потенциал и нужно искать кого-то получше. Таким образом я часто менял партнёров, постепенно забираясь всё выше в спортивном мире, и через время прославил своё имя.

Однако, спустя годы, я стал всё чаще задаваться вопросом – зачем всё это? Diplome и medaille никогда не приносили мне должной радости, все эти "побочные эффекты" находили приют в специальной комнате в доме моих родителей. Эта комната остаётся для меня самым ужасным местом на земле! Когда я только начал получать первые награды, ещё живя с родителями, мне было радостно приносить трофеи домой и хвастать ими. Было приятно, когда мама вырезала из газеты первую заметку о моей победе. Тогда родители решили выделить целую комнату под мои заслуги. Я старался избегать её, что-то неприятно отталкивающее поселилось и жило в ней. Однажды за ужином кем-то было подмечено, что скоро решительно все стены злополучной комнаты будут обвешены дипломами, медалями и вырезками из газет, я ужаснулся и решил заглянуть туда. Дверь небольшого помещения недружелюбно закрипела, и я зажёл свет. Нет, было практически невозможно, невыносимо оставаться там дольше пары секунд: выкрашенные золотом и серебром медали смотрели на меня своими многочисленными глазами со всех сторон; синие, зелёные, красные надписи "диплом" издали казались не то зловещими суровыми бровями, не то трещинами на стене комнаты. Я бросился на улицу и бежал до тех пор, пока не очутился у своего излюбленного пруда, где можно было успокоиться, бросая камни в блестящую и ровную, словно покрытую ртутью, воду.

С юных лет я старался не замечать ту цену, которую приходилось платить за успех. Мне совсем не казалось, что мой день какой-то особенный или тяжёлый, мне даже чудилось, что я абсолютно такой же, как и другие мальчишки, жившие по соседству, просто им нравится одно, а мне другое. "Пусть их не влечёт ни piedestal, ни вкус и радость заслуженной победы, ни бесконечное "я могу", счастливо порхающее в сердце, – во всем остальном мы ничем не отличаемся", – думал я. Тем не менее изредка некоторая "суровость" моего детства выплывала из-под тени мечты, – "тем ли я занимаюсь? стоит ли это таких усилий? на то ли я расточаю своё время?", – спрашивал я себя, будучи подростком, но почти сразу прогонял "мысли слабака", эти козни тётушки Лени, и вспоминал слова тренера, – "пока ты бездействуешь, кто-то продолжает непрестанно тренироваться, развивается, растёт". Они злили меня, и я рьяно старался наверстать упущенные минуты.

Впрочем, вопрос о тщете соревновательной жизни всё чаще подолгу гостил в моих мыслях. Неужели жизнь дана лишь для непрестанной погони за бумагой и железом? После случая с комнатой очередные медаль и диплом были утоплены в пруду. К тому же мне было двадцать, а потому сердце не покидало ощущение того, что весна создана специально для таких как я, и это лишь усугубляло моё положение. После выступлений меня то и дело настойчиво приглашали в театры и на концерты, и, если соревнования проходили в другой стране, отказываться было невежливо. Особой любви к театру я не питал, да и роль обычного наблюдателя порою была мне невыносима, однако знакомство с великими произведениями классиков зачастую так приятно завораживало сердце – причём не только с хореографической точки зрения – что постепенно опера стала для меня сродни балету. За одним последовало другое, и всё чаще я стал находить время для чтения классической литературы. Под влиянием искусства и весны, царившими в ту пору в моей душе, я сделал предложение своей партнёрше, девушке, с которой я провёл больше времени чем с любой другой. В тот же вечер она оставила меня (и даже переехала в другой отель), – "ты всё испортил!" – бросили её губы на прощание, – "у нас всё так хорошо получалось, но ты же знаешь – за двумя зайцами..." У нас, действительно, последнее время хорошо получалось, мы достигли такого уровня гармонии, что газеты писали о наших выступлениях что-то вроде: "глядя на выступление этой пары, вам начинает казаться, что не музыка руководит их движениями, а что само действие их танца грациозными мановениями дирижирует звуками".

– "Проклятая профессия", – бросил я мысленно в след исчезнувшей из моей жизни партнёрши, – "дурацкий спорт".

Неужели люди выдумывают все эти истории, которые я видел на сцене, о которых читал в книгах? Неужели всё это – чепуха, фантазия, несбыточный идеал?

II

Постепенно я забросил соревнования. Меня, вероятно, смогла бы удержать возможность выступить на олимпиаде, но очередной запрос на включение танцевальной программы в программу соревнований был отклонён, и надежды тысяч людей по всему миру вновь потерпели крушение. В силу контрактов ещё некоторое время приходилось выступать, и выступать хорошо, но изменения в моём сознании были необратимы, – я начинал всё больше и больше ценить не дикую призрачную гонку за несуществующими вершинами, а размеренную полную чудесных проявлений жизнь. Порой меня приглашали для постановки тех или иных балов, несколько раз я удачно ставил балет, но основной моей деятельностью стало обычное преподавание танцев.

Я приезжал в одну или другую европейскую столицу и арендовал студию неподалёку от центра. Такие студии обычно используют художники или скульпторы, в них довольно просторно, много верхнего света, – яркого, но мягкого, такой свет не портит краски будущих картин, не искажает цвет. Все мои студии были двух этажей, первый из которых отводился под занятия танцами. Вымерялся пол и заказывалось качественное паркетное покрытие, пара зеркал и ширма, если в них была необходимость. На втором этаже располагалась моё пристанище: широкая кровать или высокий матрас, кофейник и прочие столовые принадлежности, уборная. Довольно часто мне везло и со второго этажа можно было попасть на крышу. Для каждой своей студии я заказывал небольшую вывеску на местном языке, на которой значилось "школа танцев". Обычно, местные журналисты, зорко следившие за жизнью округа, обнаруживали её и печатали мне бесплатную рекламу, в которой указывалось несколько моих регалий, короткая или объёмная история (смотря по фантазии служителя пера), а также адрес студии. Этого было достаточно для того, чтобы обеспечить меня потоком клиентов.

Поначалу было здорово проводить индивидуальные и групповые занятия для людей практически всех возрастов; иногда мы с моими учениками выбирались на соревнования, и я часто разделял их победы. Однако со временем было решено отказаться от ведения групповых занятий. (Чувство ответственности за успех каждого вынуждало то и дело заниматься выравниванием учеников, а это было занятием непродуктивным.) Таким образом вскоре я стал заниматься либо с парой учеников, либо один на один. Может показаться странным то, но больше мне нравилось заниматься с любителями, в них я находил отдохновение. Они были не так суровы к себе, как профессионалы, в них не было спортивной жестокости, которая необходима для высоких побед, но зато они обладали более лёгким отношением к жизни, которого мне так не доставало.

Поочерёдно мои школы танцев открывались в Берлине, Риме, Лондоне и в других городах, но всё чаще я возвращался в Париж. Студии в пятом округе этого города казались самыми удобными, да и сама столица Франции была как-то по-особенному приятна. Несмотря на различие культур и языков, так или иначе, ученики моих школ по большому счёту ничем не отличались друг от друга. Те же спортсмены, те же любители, из числа которых в каждом городе отчего-то со временем выделялся особый разряд – девушки, приходящие ко мне не только ради уроков. Я был крайне молод, как и большинство моих учениц, а значит наши сердца жадно дышали вездесущими парами весны. Каждый раз открывая новую студию, я был твёрдо настроен развивать танцевальный талант в каждом ученике, однако по прошествии нескольких месяцев, любая школа начинала превращаться в бардак, бороться с которым не представлялось никакой возможности. Это было похоже на какое-то суровое проклятье: ко мне приходила очередная ученица, и я усердно занимался с ней, но проходило какое-то время (один-два-три

урока), как музыка и сам танец (зачастую медленный вальс) разжигала в нас неумолимое желание, после чего двери студии запирались ловкими девичьими пальчиками. Мало-помалу обо мне начинала ходить дурная слава по всему городу – как я позже стал догадывался – и в мои двери всё чаще стучались ученицы, мало интересующиеся танцами. Более того, вместе с ними ко мне пришло и умение отличать одних от других, хотя зачастую приходилось не только распознавать невербальные жесты, отгадывать скрытые в интонации нотки, анализировать ответы, но и попросту выслушивать доносящиеся с порога многозначительные обращения вроде: "мне вас рекомендовали, как отличного учителя вальса". Поначалу меня веселили такие фразы, они звучали сродни паролям каких-нибудь разведчиков, шпионов или партизан, но спустя время это стало раздражать. Некоторым новым ученицам, ученицам в кавычках, я отказывал в уроках, ссылаясь на переполненный график, некоторых намеренно и охотно записывал на занятия. Такие связи были как короткими, так и длинными какое-то время, некоторые ученицы становились моими друзьями, и мы приятно разделяли досуг: ходили на выставки, гуляли по бесконечным улицам большого города, бывали завсегдатаями значных мест, а то и попросту подолгу общались на крыше моей студии в обнимку с дешёвым вином или портвейном. – "Вот она – жизнь!", – думал я, беззаботно считая звёзды то на небе, то в глазах очередной спутницы.

Через полгода-год почти в любом городе, где бы я ни жил, становилось несколько жутко и довольно противно. На улицах то и дело попадались незнакомки, поглядывающие на меня лукавым взглядом; иногда одна из них окликала меня в попытке похвастать перед подругой: "здравствуйте, вы как-то учили меня танцевать...", – задорно начинало давно забытое лицо, делалась намеренная пауза, и неизменно добавлялось: "вальс! помните?", – я натянуто улыбался и то молча кивал, то ухмылялся, отвечая: "как же!? Помню!". Однако, в минуты очередного побега от назойливой собеседницы в моей голове неизменно скрипели две мысли: "проклятый вальс!" и "пора уезжать". Вскоре я, действительно, переезжал в очередной город, но история неизменно повторялась и там. Менялись школа и её вывеска, зачастую менялся язык, окружавший меня, но всё это было лишь сменой декораций; всё те же ученицы, всё тот же вальс, всё та же дурная слава ждали меня на новом месте. Да, со временем я становился более разборчивым и чаще пресекал попытки превратить мою школу в бедлам, но так или иначе жизнь от этого не менялась. Казалось бы, на моём месте каждый должен был быть счастлив, но такое положение отнюдь не было завидным. Бесконечные вереницы красавиц сливались во что-то однообразное, безликое, иногда мне чудилось, что я всё так же гоняюсь за победами и медалями, пусть они и изменили свою форму. Ладно бы я забывал те или иные имена, пускай бы время стирало призрачные, забытые самой историей, лица, это было бы сносно, но до чего же было невыносимо порой не помнить вчерашнюю спутницу. Может быть, я помнил, цвет волос, но скорее всего напрочь забывал, как её звали, о чём мы говорили и прочее. Вдобавок мне никак не удавалось вспомнить какой была та, самая первая, нарушившая спокойный или, если угодно, монастырский уклад моих школ, и порой это сильно гнело меня.

Однако, как было замечено ранее, не все связи с девушками обрывались окончательно. Постепенно у меня появилось пять настоящих подруг, трое из которых жили в Париже. С каждой из них я поддерживал общение, несмотря на то, что некоторые из них давно забросили занятия танцами.словно пять континентов или пять пальцев на руке они отличались друг от друга так, словно я преследовал цель максимально диверсифицировать своё окружение. В Лондоне обитала Катрина, девушка с душой музыкантши. Однако, не следует представлять преисполненную романтизма скрипачку или грациозно осанистую ворожею черно-белых клавиш фортепьяно, моя английская подруга была заядлой рокершей, с которой мы в своё время прыгали у многих сцен на самых вычурных концертах. В Берлине мне всегда была рада модель Герта Кроп. Во Франции я знался с неумолимой путешественницей Миланой, за хрупкой спиной которой было несколько кругосветок; с кучерявой служительницей кисти Анджелой Рени-Марсо и с не менее удивительной Евой, о которой следует рассказать особо, ведь её невоз-

можно охарактеризовать одним словом. Иногда я подшучивал над ней, говоря, что если взять политический глобус и вместо стран нанести на него всевозможные дарования, умения и способности, то в какое бы место случайно ни указал палец, выбранный талант обязательно оказался бы очередным самоцветом, вынутым из сокровищницы её души.

Из всех пятерых подруг Ева проявляла ко мне больший неподдельный интерес, мы часто беседовали, развлекались, путешествовали. Порой мне казалось, что она понимает меня лучше всех на целом свете, но не только поэтому я старался держать её ближе и не выпускать из виду. У Евы было несметное множество знакомых, а список её контактов можно было бы, пожалуй, издать в нескольких томах. Как я выяснил позже, она, обладая удивительной памятью, поддерживала все знакомства в независимости от их важности и перспектив. Честолюбивые планы этой поистине удивительной девушки могли заткнуть за пояс порывы ни одного Наполеона. И хотя я воспринимал её доверие как нечто, если не должное, то по крайней мере, как что-то довольно обычное, подобное душевное гостеприимство было для неё редким проявлением интимности. Так или иначе Ева любила помечтать, например, однажды мы проводили время, отдыхая на излюбленной сорок пятой параллели, как, вдруг, она, заслышав вой сирены, рвущей воздух нашего любимого города, заявила:

– Мой муж обязательно будет ездить с мигалками!

– Девушка, вы собираетесь выйти за доблестного полицейского? – рассмеялся я в ответ, изображая голосом блюстителя порядка.

– Что за глупости!? – лениво перевела она на меня взгляд.

– Значит за отважного пожарного? – не унимался я, отвратительно изображая Ромео, – детка, я потушу этот пожар... чувствуешь, как он неумолимо снедает тебя изнутри?

– Прекрати балаган! – воскликнула Ева, вырываясь из объятий обожателя Джульетты, – ни черта ты не понимаешь!

Когда я наконец успокоился, она задушевно промолвила:

– Нет на свете ничего лучше, чем ездить с мигалками! чувствовать своё превосходство над окружающими... быть самым, самым.

Последние слова задели меня, ведь те ощущения, которые когда-то дарил мне пьедестал, упорно не поддавались забвению.

– Не кажется ли тебе порой, что ты попросту прожигаешь свою жизнь? – взяла меня за руку Ева.

– "Не кажется?", – ухмыльнулся я про себя и язвительно заметил ей: "проводя время с тобой здесь на крыше?"

Она собиралось было сказать что-то ещё, но, не желая портить вечер, я подлил своей подруге вина, пытаясь утопить в нём все-все слова.

III

Колесо моей жизни продолжало, не торопясь катиться по дороге времени, я вернулся в Париж и открыл новую школу танцев, которая располагаясь буквально в паре кварталов от предыдущей, хотя на самом деле, как подметила Ева, эти две школы разделяло четыре года. Я решил остепениться и впредь использовать школу только по назначению; участвовать со своими ученицами в сражениях под знамёнами Венеры, в сражениях, которые так забавно описал Апулей в начале эры, мне больше не хотелось. Годы странствий научили меня, что для начала тех или иных отношений с противоположным полом, танцы не лучший и далеко не единственный повод. Ко всему прочему нужно было больше времени уделять развитию профессиональных спортсменов, – "именно они ключ к успеху, краеугольный камень в здании моей известности и хорошей репутации", – крутилось в голове. Таким образом в какой-то мере я остепенился и снова оказался на верном пути.

Вскоре, вполне освоившись в новой студии, после месяца-двух молчания я решил повидаться со старыми знакомыми. Милана, буквально недавно рассказывающая мне о своих планах, вновь отправилась в турне. Анджела была безумно занята организацией своей третьей выставки и, несмотря на то, что показ был намечен более года назад, жутко волновалась, то и дело она вносила "последние" правки в свои картины. Наблюдателю за её работой могло показаться, что юная художница пытается не то оживить, не то заколдовать свои полотна кистью. Кусок дерева с насаженной на него щетиной какого-нибудь животного казался омелью в руках друида, вполне обыденная вещь в дланях художницы становилась волшебной палочкой. Кистью пыталась она вдохнуть жизнь в свои полотна, ей же искала она Грааль, – невидимую границу заветной страны под названием Chef-d'Oeuvre [фр. – Шедевр]. Таким образом обычно за несколько месяцев до выставки Анджела словно косяк надолго заныривала в глубины своей студии и почти не отрывалась от работы. Я не стал сильно беспокоить её своим возвращением, решив вдоволь наговориться с ней после вернисажа. Так на какое-то время мой круг общения ограничился немногочисленными друзьями и Евой. Последняя была искренне рада моему приезду, а мои планы относительно школы привели её в настоящий восторг:

– Наконец-то ты понял, что реноме это твоё всё! – довольно улыбалась она. – Ведь в сущности неважно чем занимается человек: забивает ли гвозди, правит ли страной, или, как ты, учит других танцевать, он должен развивать свой талант. Стремление быть лучше делает жизнь жизнью, а не простым прозябанием.

– Ага, – ввернул я, – слава самурая бежит впереди него.

Кто бы мог подумать, что четыре года работы, направленной не в то русло, так сильно подорвут мою известность. Парижские газеты едва упомянули об открытии моей школы, да и те решили потратить типографскую краску разве что ради злословия. Теперь моё имя напоминало оставленное на чердаке зеркало, оно потеряло былой блеск и покрылось пятнами забвения. Но подобные затруднения не пугали меня, они были очень похожи на очередной сезон состязаний, каждый из которых неизменно отдаляет тебя от победы, обнуляя рейтинг и очки. К тому же в мою школу приходили новые ученики, среди которых со временем выделилось пять наиболее перспективных спортсменов. Большинство своего времени я старался уделять именно им: "частые газетные заметки об их победах станут золотыми кирпичиками в изумрудную страну известности", – витало в моей голове.

Таким образом прошло полгода. Моя школа всё реже открывала двери простым любителям, но, если раньше они были лишь моей прихотью, отдохновением, то теперь стали отчасти необходимостью, приносящей значительную часть дохода.

– Ты становишься Альфонсом! – подшучивала надо мной Анджела после выставки, – тебя больше не интересует привлекательность учениц, – негодовала она. – И с каких это пор кошелёк стал лучшей рекомендацией для девушки?

Однако замечательная художница была далека от правды: я до сих пор не мог избавиться от привычки брать порой талантливых, но не сильно обеспеченных учениц и учеников, именно поэтому в тот период существование школы зиждилось на любителях. К тому же я давно разучился быть равнодушным к красоте представительниц слабого пола. Так однажды, во время очередного урока в стенах школы я вдруг заметил на пороге удивительное создание (за довольно громкой музыкой мы не слышали, как вошла посетительница). Несмотря на то, что лето, так рано зачинающееся в Париже, было в самом разгаре, вот уже целых три дня шёл проливной дождь. Серые стены зданий были почти чёрны от воды; белые фасады, яркие под солнечными лучами, посерели; грустные кариатиды прятались под крышами, спасаясь от непогоды. Казалось город свернул бутон своих великолепных красок и погрузился. И хотя мне была чужда меланхолия, – в подобные дни, освободившись от дел, я обычно ловил такси и отправлялся на вечеринку к друзьям, не уставая по дороге смеяться над гримасами, которые

строили маленькие собачонки своим безжалостным хозяйкам, – у меня, пожалуй, не нашлось бы столько жизнерадостности, чтобы весело бегать по лужам.

Незнакомка, стоявшая на пороге школы, была удивительно забавно одета. То ли в силу призвания, то ли это вышло случайно, но так или иначе первым что мне бросилось в глаза были её ноги, обутые в жёлтые сапожки из мягкой резины. – "До чего же они смешные!" – восхищался я в душе забавной обувью, ловя себя на мысли о том, как должно быть здорово гулять в таких сапожках по лужам, измерять глубину и ощущать на голени лёгкое давление миниатюрного моря. Рядом со стоящими почти в шестой позиции сапогами, я заметил такого же цвета длинный сложенный зонт-трость, воткнутый остриём в паркет студии; капли, собравшиеся на его складках, казались огромными, они то и дело мягко падали на пол, словно созревшие маленькие лимоны. Вскоре розовый плащ до колен отвлек меня от созерцания зонтика, и, наконец, мельком заметив тёмно-зелёные брюки, ныряющие в сапожки, и нежно-голубую блузку, выглядывающую из-за плаща, я взглянул на прелестное лицо посетительницы. Мягкие выразительные черты и нежные линии вкупе с пышными слегка волнистыми тёмными волосами саге были его украшениями. Каштановые глаза гостя были огромными, губы пышными, лицо раздумавшимся от ходьбы, – передо мной стояло само очарование, сошедшее с одного из полотен Бугро (разве что одетое по-современному). Не слышав голоса красавицы, не зная её имени, я каким-то неведомым образом чувствовал в ней бесподобное создание: улыбка делала её обворожительной, а наряд говорил не только о необычайной смелости, но и повествовал о чём-то удивительно-чудесном. Её пёстрое обличье могло обезоружить любой дождь, превратив его в красочный праздник жизни, ослепить всякую молнию своими цветами, перекрыть каждый гром гимном юности и веселья.

Незнакомка казалась мне неведомым, почти неземным существом, которое, если и обрадовало на несколько мгновений мою студию своим присутствием, то лишь по невыносимо-глупой случайности. Мне так не хотелось успеть сравнить её с другими, попытаться запечатлеть этот волшебный образ в анналах памяти, задаться вопросами "отчего" и "зачем", что я принял за лучшее поскорее выпроводить её, как бы грубо это ни вышло.

– Что вам угодно? – довольно сухо, спросил я.

– Я случайно наткнулась на вашу вывеску, – радостно начала посетительница приятным, словно нежная музыка, голосом, – и подумала, что мне, пожалуй, не помешает взять несколько уроков танцев!

Слегка смягчившись, я предложил ей прийти завтра в это же время, на что она как-то по-особенному светло улыбнулась и выпорхнула за дверь. Что и говорить о том, что остатки и урока, и дня мои мысли неудержимо стремились к удивительному видению, имя которого всё ещё не открылось мне.

На следующий день Париж благоденствовал под лучами вновь вспыхнувшего солнца (дождь прекратился ещё накануне под вечер). Птицы то и дело шуршали крыльями, купаясь в прохладных лужах, разноцветные зонтики цветов распустились на газонах, деревьях и кустах; редкие стайки облаков неторопливо плыли на юго-запад. Блестящие глаза моей студии, а попросту говоря, – окна, томно раскрыли свои веки, приветливо впуская аромат лета.

В назначенный час на пороге школы появилась незнакомка. Несмотря на то, что она была одета довольно обыденно, посреди тканей её наряда нитями пробегали женственность и гармония хорошего вкуса. Я уже было собрался указать ей на ширму, за которой можно было при желании переодеться или сменить обувь, когда моя гостя, чуть пожав плечами, заметила:

– Меня зовут Эмма. Вчера я забыла рассказать вам кое-что важное про мой танцевальный опыт.

– Хорошо, расскажите сегодня, – улыбнулся я, – но давайте не будем стоять на пороге, вот за этой ширмой вы можете приготовиться к занятию.

– Нет, послушайте, – покачала головой Эмма, чуть зардевшись, – это важно. Мне доводилось брать несколько уроков танцев, но зачастую я не продвигалась дальше одного-двух занятий, – вздохнула она. – Как только мой очередной учитель или учительница позволяли себе хоть сколько-нибудь грубые замечания по поводу моих шагов или движений, я тут же собиралась и уходила, навсегда забывая дорогу к ним.

Решительность революционерки сквозила в её голосе, внимательность разведчицы блесла в глазах. Полное спокойствие, ореолом окружившее меня, отсутствие неуместной улыбки, вероятно, были сочтены удовлетворительными. Эмма продолжила:

– У меня никогда не было цели стать великой танцовщицей или балериной, – промолвила она с толикой грусти, – лишь скромное желание научиться сносно танцевать известные танцы. К тому же мне кажется, что я довольно танцевальна и хорошо слышу музыку.

– Я в этом не сомневаюсь.

Эмма улыбнулась.

– Однако, я не намеренна терпеть колкие замечания в свой адрес. Не могли бы вы...

– О, без проблем, – полушутливо заметил я, перебивая собеседницу.

– "Правда?" – весело спросил её взгляд.

– Да. Могу научить вас танцевать даже без слов! – приободрился я, под действием магических глаз собеседницы. – Вы не читали Луи Авегля? Он пишет, что немые – самые что ни на есть завидные учителя! [aveugle (фр.) – слепой]

– Нет, не нужно без слов, – рассмеялась Эмма, направляясь к ширме.

– "Что за девушка!", – на мгновение залучила она все мои мысли.

Разгуливая по паркету, я и размышлял над словами гостьи, и вспоминал насколько строгим мне приходилось бывать к своим ученикам (как можно порой без строгости?), и смеялся над шуткой про книгу, когда помимо всего прочего в переполненную голову пришла забавная догадка:

– Эмма, – позвал я, оказавшись неподалёку от ширмы, – скажите, а в вашем роду не было поэтов?

– Почему вы спрашиваете? – мило удивилась она, выходя на паркет. На ней осталась бежевая юбка плиссе и светло-голубая рубашка с подвёрнутыми рукавами, тёмно-кремовые танцевальные туфельки сменили бледно-розовых предшественников.

Неготовый к её скорому появлению, я осёкся. Красота этой девушки завораживала. Пьянящие чары, исходящие от неё словно аромат хороших духов, будоражили, отвлекали, сбивали с толку.

– Не знаю насчёт того, были ли, но я и сама иногда пишу стихи, – призналась Эмма.

– Много же у вас увлечений!

– Да, этого не отнять. Но признайтесь, зачем вы спрашивали?

– В своё время в Америке жил замечательный поэт Алан Эдгар... Отчего-то мне пришло в голову, что было бы довольно забавно, если бы он приходился вам родственником по линии отца...

Через мгновение Эмма чудесно рассмеялась:

– Действительно, было бы забавно!

Я настоял на том, чтобы новая ученица внесла своё имя и координаты в мою увесистую, чуть растрёпанную временем, книгу, которая была заведена с самого открытия первой школы. Сей архив был нужен, во-первых, для порядка – в некоторых городах ко мне приходили ревизоры и проверяли деятельность на законность, во-вторых, для удобства: время от времени возникали экстренные случаи, когда было необходимо отыскать того или иного ученика.

Наконец всё было готово для того, чтобы начать урок. Когда я узнал, что Эмма так или иначе "когда-то пробовала" множество танцев, решение, которое лихорадочно искала моя смекалка отыскалось:

– Здорово! – неподдельно восхищался я, – у вас довольно большой опыт. Сегодня мы повторим несколько танцев из вашего списка. Может быть, есть предпочтения? – девушка в недоумении покачала головой, – хорошо, тогда начнём с вальса, далее, если останется время, ча-ча-ча и фокстрот.

Я поставил музыку, подходящую для первого танца. Она была негромкая, почти фоновая, а потому не мешала слушать собеседника; композиции сменяли одна другую, что позволяло не отвлекаться.

– В моей школе существует незыблемое правило, – нагло врал я, возвращаясь к Эмме, – на первом уроке ученик учит учителя тому, что знает и умеет сам...

Весь свой талант я направил на то, чтобы стать, если не нерадивым учеником, то вполне себе новичком. Эмме пришлось показывать основные шаги (попутно их вспоминая), рассказывать про ритм и позиции партнёров в паре. Когда новоиспечённая учительница всё делала безупречно, я неподдельно восторгался простотой и естественностью танцевальных движений, удобством шагов и позиций. Когда же она ошибалась или что-нибудь забывала, я старался поддержать её: делал невинные предположения и догадки, замечал, что, возможно, стоит попробовать так или эдак. Мы не только быстро возвращались в нужное русло, но так или иначе неторопливо двигались в нужном направлении. Боясь ранить или даже слегка поцарапать самооценку девушки, мне пришлось стать изобретательным. Я был похож на столяра, который заменяет рубанок на стамеску и молоток; на рыбака, что вынужден использовать булавку и крепкую нить; на лингвиста, ищущего замену привычным словам. Но такая вынужденная непрямолинейность забавляла меня: это было так ново и очень походило на какую-то игру. Преступление рамок обыденности, отказ от привычки – не даёт ли всё это небывалый импульс для рождения чего-то нового?

Однако новое амплуа не давалась мне слишком легко, и, когда мы с Эммой впервые попробовали станцевать в паре, после трёх кругов вальса я не выдержал и от всей души рассмеялся, впрочем, быстро оправился:

– Я чертовски давно не танцевал вальс!

К моему удивлению Эмма также вволю расхохоталась:

– Ученик, не забывайте о том, что это в принципе ваше первое занятие!

Мы снова вместе рассмеялись. Между нами установилось понимание. Эмма было приятно задета тем, что я буквально воспринял её слова и изо всех сил старался выполнить негласную просьбу, – это блеснуло в прекрасных глазах. Мне же, в свою очередь, было радостно и осознать это, и обнаружить в ней так или иначе простую девчонку.

После минутного отдыха я заявил, что, пожалуй, мне следует снова повторить базовые шаги, и Эмма охотно показала их. Добившись того, что малый и большой квадраты стали отлично у нас получаться как порознь, так и в паре, мы перешли в другим танцам. Я решил, что вальсировать на первом занятии больше не стоит, мне хотелось исключить даже малейшую вероятность того, что из-за неудач у Эммы вдруг опустятся руки. Почему? Я и сам не знал. Её слова отчего-то сильно заделали меня. Спустя годы мне в голову пришла мысль о том, что возможно тогда моё сердце было готово услышать нечто подобное, а то и ждало этого. Но тогда, в день нашего первого занятия, мне попросту показалось, что Эмма, должно быть, единственный ребёнок в семье или младшая дочь.

Есть такие семьи, в которых вырастают самые прекрасные девушки на земле. Любовь, достаток, уют и благополучие наслаждаются добрососедством в этих счастливых домах, а тёплая атмосфера, созданная вокруг дочери (или реже дочерей), является благодатной почвой для раскрытия утончённости, доброты и нежности, – тех добродетелей, которые в своё время станут катализаторами в развитии женственности. Хрупким созданиям дозволяется практически всё, умелая заботливая рука воспитания, живущая в этом доме, не знает запрещающие жесты, она либо поощряет и хвалит, либо указывает на что-то лучшее и прежде всего стремится при-

вить любовь к трём грациям искусства: рисованию, музыке и танцу. Первый мужчина в жизни девочки, отец, не перестаёт не только восхищаться своим любимым созданием, но и зорко следить за осанкой маленькой принцессы. Он так умело балует дочь, что подарки для неё не становятся ни обыденностью, ни повинностью возложенных на других, а потому не теряют прелести волшебства. Ко всему прочему девочку в столь любящей семье невольно пытаются оградить от грубости внешнего мира, спрятать от впечатлительного создания неприглядные проявления жизни, что на первый взгляд кажется неправильным, однако, напроситесь к ним в гости! И, если вам вдруг улыбнётся не только удача, но и чуть позже само розовощёкое чудо, вы увидите маленькое счастье во плоти. Беззаботность, доверчивость, искренность сверкают в глазах малышки естественным блеском. "Прекрасный дар – детство", улыбнётесь наконец вы, задаваясь вопросом о том, стоит ли детей лишать его. Впрочем, такое заботливое ограждение часто является причиной того, что последующие самостоятельное знакомство с внешним миром как правило добавляет в характер девочки скромность и толику замкнутости. Она не теряет своей приветливости и жизнерадостности, но, чуждая широкой публике, впредь подсознательно стремится к семейному уюту, который станет находить не только в стенах дома, но и в друзьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.